

УДК 16

DOI: 10.34670/AR.2021.16.74.016

«Deus ex machina» как методологический принцип**Отюцкий Геннадий Павлович**

Доктор философских наук, профессор,
профессор гуманитарного факультета,
Российский государственный социальный университет,
129226, Российская Федерация, Москва, ул. Вильгельма Пика, 4;
e-mail: otuzkyi@mail.ru

Аннотация

Пришедший из Античности принцип «Deus ex machina» связан с неожиданной развязкой ситуации благодаря ранее отсутствовавшему в этой ситуации внешнему фактору. Современная интерпретация этого принципа отвлекается от его сверхъестественной природы, акцентируя внимание на неожиданном проявлении внешнего фактора. Автор рассматривает реализацию этого принципа в его первоначальном смысле, связанном именно с Богом. Первоначально этот принцип использовался в драматургии для развязки эффектных финальных сцен. Методология анализа исходит из того, что теоретические концепции могут быть рассмотрены как своеобразные пьесы, требующие завершения финала: выявления конечной причины, решающего условия, универсального закона и др. В статье анализируется специфика проявления принципа в драматургии, философии права, естествознании. От Античности до Нового времени «Бог из машины» помогает прояснить сущность позитивного права: его основанием выступает естественное право, базирующееся на Божественном законе. Теоретические концепции Кеплера, Лейбница, Декарта, Ньютона основаны на парадоксе: естественнонаучная картина мира получает финальное завершение благодаря сверхъестественному фактору – «Богу из машины». Но такой же парадокс включала в себя и европейская философия права: естественное право получало сверхъестественное обоснование посредством «Бога из машины». Таким образом, принцип «Бог из машины» выступает универсальным принципом ряда сфер европейской культуры по крайней мере на некоторых исторических этапах ее развития.

Для цитирования в научных исследованиях

Отюцкий Г.П. «Deus ex machina» как методологический принцип // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Том 10. № 5А. С. 143-150. DOI: 10.34670/AR.2021.16.74.016

Ключевые слова

Бог из машины, философия права, естественное право, естествознание, естественнонаучная картина мира.

Введение

Понятие «Deus ex machina» («Бог из машины») пришло из античной драматургии: в финале пьесы бог появлялся на сцене при помощи театральной машинерии. В современном дискурсе термин обозначает неожиданную развязку конкретной ситуации при решающей роли внешнего фактора, ранее в этой ситуации отсутствовавшего. Этот фактор может быть разным: естественным, сверхъестественным, социальным, природным; важно, что механизм развязки из естественного хода вещей не вытекает, а сам фактор появляется извне.

Иногда в современных публикациях исследуются интересные сюжеты, к примеру, связанные с появлением «Бога из военной машины»¹. Но чаще смысл термина слишком удаляется даже от указанной современной интерпретации: у М.А. Ерофеевой и Н. Кловайта речь идет об игровом персонаже Цицероне, указывающем игроку в компьютерной программе на сходство древнеримских богов с древнегреческими², а И.Г. Михайлова отождествляет «Deus ex machina» с цифровой трансформацией, предоставившей субъектам сознания «почти Божественное» право на присвоение другой самости³. Некоторые авторы, соблазненные на «красивый» термин, помещают его в заголовок, ни разу не упоминая его в самой публикации⁴.

Цель предлагаемой статьи – показать роль в европейской культуре первоначального смысла этого выражения, связанного именно с Богом. Для анализа избраны три достаточно далеко отстоящие друг от друга сферы культуры: драматургия, теория и философия права, естествознание. Предполагается: если удастся продемонстрировать неформальную роль этого принципа в указанных сферах, то, видимо, принцип «Бог из машины» имеет универсальную роль в европейской культуре по крайней мере на некоторых исторических этапах ее развития.

«Бог из машины» в драматургии

У античных драматургов понятие «Бог из машины» использовалось для обозначения бога, который появлялся в кульминационный момент спектакля. Историки литературы подсчитали, что только в тех трагедиях Еврипида, которые дошли до нашего времени, появление «Бога из машины» происходит восемь раз. Так, в «Медее» бог Гелиос появляется в золотой колеснице для того, чтобы детоубийца Медея смогла в этой колеснице покинуть земной мир.

В «Ифигении в Тавриде» царская дочь Ифигения должна быть принесена в жертву Артемиде, которая, по словам гадалеля, требует человеческой жертвы, иначе греческий флот не двинется с места из-за безветрия. Однако в последний момент богиня Артемида вместо Ифигении поместила на алтарь лань, а саму Ифигению отправила жрицею в Тавриду.

Драматургический прием «Бога из машины» использовал Шекспир: в финале пьесы «Как вам это понравится» появляется бог Гименей для того, чтобы благословить влюбленных

---

¹ См., например: Фишман Л.Г. Происхождение демократии («Бог» из военной машины). Екатеринбург, 2011. 258 с.

² См.: Ерофеева М.А., Кловайт Н. Боги из машины: порядок взаимодействия в геймифицированном дистанционном обучении // Социология власти. 2020. № 3. С. 189-220.

³ См.: Михайлова И.Г. Глобальная цифровизация социокультурного воспроизводства: «Deus ex machina» или конец Эры Человека? // Социальные новации и социальные науки. 2021. № 1. С. 124.

⁴ См., например: Пенской В.В., Пенская Т.М. Deus ex machina? Исторические корни авторитарной традиции в России // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2014. № 1. С. 5-17; Фоменко А.Н. Фотография: deus ex machina // Медиафилософия. 2009. № 3. С. 7-14.

главных героев. В «Амфитрионе» Мольера шаловливый Меркурий настолько искусно перевоплощался в земных героев, перессорив их друг с другом, что готово было совершиться кровопролитие. Однако в финале с громом и шумом появляется Юпитер (дотоле предававшийся любовным утехам с женой полководца Амфитриона) и сообщает Амфитриону, что у него родится «божественный» сын Геркулес. Амфитрион вынужден гордиться таким вниманием Юпитера.

Традиционно литературоведы характеризуют «Бога из машины» как следствие непродуманного сюжета, неизбежно снижающего интерес к произведению. Даже в шутовском «Словарике юного графомана», разбирающем типичные ошибки начинающих писателей, справедливо отмечается: «чудесное разрешение конфликта, словно сотканное из воздуха», обесценивает сам сюжет произведения [Словарик..., www].

Но следует ли с таким выводом соглашаться? Значимость ответа на этот вопрос возрастает, если выйти за пределы литературы и искусства в иные культурные сферы. При этом возникает вопрос о правомочности такого «выхода за пределы», поскольку роль этого принципа анализируется преимущественно в применении к литературе, театру, кинематографу, фотографии⁵. По мнению автора, такая правомочность оправдана, если исходить из аналогии теоретической концепции и театральной пьесы: в обеих описывается некоторая ситуация, обе должны дать ей объяснение, обе показывают способ разрешения соответствующего конфликта. Но если пьесу можно просто не писать либо от написанной пьесы отказаться, то от создания теоретической концепции зачастую отказаться нельзя, ибо она необходима для решения сугубо практических задач. Вопрос об абсолютной истинности концепции зачастую не является первостепенным, более важной становится возможность приложения этой концепции к объяснению реальных явлений.

Так, нельзя отказаться от попыток объяснения сущности естественного права, ибо с таким объяснением непосредственно связана практическая деятельность законодателей. Нельзя отказаться от построения естественнонаучной картины мира, поскольку с ее пониманием непосредственно связаны возможности развития техники и производства. Решение подобного рода задач связано с выходом на уровень мировоззрения, и нередко конкретный тип мировоззрения диктует способ заполнения возникающих лакун в теоретических концепциях. Принцип «Бог из машины» служит одним из способов такого заполнения.

«Deus ex machina» как объяснительный принцип естественного права

Юридическая наука и философия права долгое время не могли обойтись без «Бога из машины» как последнего аргумента в поисках истины о праве, в первую очередь истины о естественном праве.

Со времен Античности философско-правовая мысль пыталась решить вопрос о том, является ли позитивное право проявлением ничем не ограниченной воли государства (и тогда любой закон является правовым) или для позитивного права существует объективное основание (и тогда существует возможность различения правового и неправового закона). Именно

---

⁵ См., например: Фоменко А.Н. Фотография: deus ex machina // Медиафилософия. 2009. № 3. С. 7-14; Шевцов В.А. Deus ex machina как способ построения хеппи-энда в кинематографе // Вестник ВГИК. 2015. № 1. С. 48-56.

естественное право выступает для законодателя тем ориентиром, на который он должен опираться, разрабатывая закон, вследствие этого неправовой закон – то волеизъявление государства, которое естественному праву противоречит. Оставался вопрос о том, каково основание самого естественного права.

Именно поэтому одним из центральных вопросов философии права стал вопрос о сущности естественного права, о его «конечной причине». Такую сущность разные мыслители усматривали в идее справедливости, в разуме, в целесообразности и т. д. Античная культура располагала подходящим принципом, отработанным в античной драматургии, – «Бог из машины». Уже Сократ исходил из наличия неписанных божественных законов, с которыми законодатель должен соотносить законы положительные. Естественное (идеальное) устройство государства у Платона также должно соотноситься с божественной справедливостью.

Наиболее развитую форму идея Божественной обусловленности естественного права приобретает в средневековой философии, у которой в отличие от Античности уже был источник, раскрывающий сущность божественного права, – Ветхий и Новый Завет. Так, Фома Аквинский не отождествляет естественное право непосредственно с Божественным законом, но вписывает его в стройную пирамиду законов, которую венчает вечный закон, тождественный Богу. В свою очередь, естественный закон выступает в качестве отражения вечного закона в разуме человека [Грабман, 2007, 157].

Подобно финалу античных трагедий, «Бог из машины» появляется в финале «пьесы о праве» Ф. Аквинского, завершая Божественным правом стройную пирамиду законов. От написания такой «пьесы» (теоретического обоснования естественного права) нельзя отказаться, и если не Ф. Аквинский, то кто-то другой подобную концепцию создал бы. Поскольку Божественный закон составляет основу естественного права, постольку позитивный закон состоятелен до тех пор, пока согласуется с естественным законом. Несостоятельный человеческий закон, противоречащий Божественному установлению, исполняться не должен, ибо прежде следует повиноваться Богу и лишь затем человеку. Доктрина естественного права, понимаемая подобным образом, использовалась папизмом в противостоянии со светскими князьями.

В процессе перехода европейской культуры от теизма к деизму потребность в Божественном законе как основании естественного права постепенно ослабевает. Так, у Х. Вольфа влияние Бога на естественное право становится гораздо более опосредованным: создавая человека, Бог дал ему стремление к совершенствованию, обязал делать добро, избегать зла, стремиться к лучшему. Соблюдение этих обязанностей – естественный закон поведения людей [Нерсесянц, 2006, 603].

Но уже Ш. Монтескье, современник Х. Вольфа, отождествляет естественные законы с законами природы и трактует их применительно к человеку как законы, которые «вытекают единственно из устройства нашего существа» [Монтескье, 1970, 540]. Его последовательно светская концепция естественного права исходит из «духа законов», определяемого как природой и климатом, так и целым рядом социальных факторов. Но и здесь не обходится без «Бога из машины», который «творит по тем же законам, по которым охраняет»; и он «создал их, потому что они соответствуют его мудрости и могуществу» [Там же, 538].

В немецкой философии в непосредственном обосновании естественного права место Бога занимает Разум. Кант, к примеру, сопоставляет право с «всеобщим законом свободы», но и этот закон включается во «все эти законы», которые охватывает «единая высшая воля», которая «должна быть всемогущей» а также всеведущей, вездесущей, вечной [Кант, 1994, 477]. У Гегеля

«закон есть объективность духа и воли в своей истинности», однако при этом «государство есть божественная идея, как она существует на земле». Как видим, и Кант, и Гегель все еще не могут обойтись без идеи «Бога из машины», но некоторые их современники эту идею внедряют весьма агрессивно. Так, К.Л. фон Галлер, утверждая естественное право, попросту отвергает позитивное право с позиций естественно-божественного закона: «вечный, неизменный, установленный Богом порядок состоит в том, что тот, кто сильнее, господствует, должен господствовать и всегда будет господствовать» [Цит. по: Нерсесянц, 2006, 646].

Таким образом, вплоть до новейшего времени в философии права наблюдался парадокс: наличие естественного права обосновывалось ссылками на сверхъестественный фактор «Бога из машины».

«Бог из машины» как фактор становления концепций классической физики

Казалось бы, Бог как наивысшее выражение сверхъестественного и естественные науки – явления несовместимые. Однако у непосредственных предшественников Ньютона и его современников зачастую, как в античном театре, появлялся «Бог из машины» для того, чтобы поставить финальную точку в системе причинно-следственных связей, описываемых создаваемой ими естественнонаучной картиной мира. Слишком много лакун было в представлениях о природе у мыслителей доньютоновской эпохи, и единственным способом их заполнения представлялся испытанный способ – вмешательство Бога. При этом Бог выступает не просто как конечная причина вещей («финальная мизансцена пьесы о мире природы»), на него возлагаются и иные функции.

Так, у Кеплера «Бог из машины» – самый совершенный математик, потому и порядок в кеплеровской картине мира геометрический: «Геометрия была раньше мира, и была она Божественной» [Цит. по: Лопец, 2015, 14]. Опираясь на порожденную этим представлением идею о взаимосвязи между правильными выпуклыми многогранниками и орбитами известных в то время планет, Кеплер открыл законы этих орбит, которые, как он считал, полностью раскрывают замыслы Бога. У Кеплера Бог – тот финальный фактор, который позволяет объяснить и неизменность движения в мире, и происхождение гармонии в нем.

В картине мира Декарта также Бог – главное действующее лицо финального эпизода. В поисках объяснения природы субстанции (а это сущность, бытие которой основано только на ней самой) Декарт постулирует: «Таков, собственно говоря, один только Бог» [Декарт, 1970, 250]. У Декарта, как и у Кеплера, Бог – совершенный математик, и поэтому «не должны более подлежать подозрению и математические истины, обладающие особенной очевидностью» [Там же, 245].

Я.А. Ляткер иронизирует: картезианский Бог находится в тени (фактически – в «машине») вплоть до очередной непреодолимой трудности [Ляткер, 1975, 154]. Бог приобретает качество «Deus ex machina» лишь в ситуации «трудности», например в вопросе о первопричине движения: «мне кажется очевидным, что она может быть только Богом» [Декарт, 1970, 259].

Особое место отведено Богу и в «финале пьесы» Лейбница, описывающей картину мира природы, состоящего из монад – сгустков энергии, обладающих зачатками сознания. Их существование – результат активности «необходимой субстанции», в которой различие всевозможных изменений «находится в превосходной степени, как в источнике; и это мы называем Богом» [Лейбниц, 1982, 419]. В лейбницевской картине мира Бог – онтологическое

основание мира, являющегося «Божьим механизмом».

Как античный «Бог из машины» появляется лишь в финале пьесы, так и в «Математических началах натуральной философии» Ньютона Бог появляется лишь в заключительной главе великой книги⁶, описывающей систему мира в виде грандиозного механизма, законы которого Ньютону удалось выявить. В финале описания системы мира остается открытым вопрос о том, как именно возник этот механизм. И вновь появляется «Бог из машины»: «Такое изящнейшее соединение Солнца, планет и комет не могло произойти иначе, как по намерению и по власти могущественного и премудрого существа» [Ньютон, 1989, 659]. Как и у его непосредственных предшественников, Бог Ньютона – творец всего существующего, «он вечен и бесконечен, всемогущ и всеведущ» [Там же, 660].

Таким образом, в процессе становления классической физики системность естественнонаучных картин мира обеспечивалась включением в их состав сверхъестественного компонента: «Бог из машины» заменял представления о «недостающих» источниках и причинах всемирной механики, выполняя у разных исследователей сходные функции.

Дальнейшее исследование природы постепенно освобождалось от необходимости «Бога из машины». Уже Лаплас смог заявить в ответ на упрек Бонапарта об отсутствии упоминания Бога в лапласовской «Небесной механике»: «Сир, я не нуждаюсь в этой гипотезе» [Цит. по: Скибицкий, 1976, 12].

Заключение

Анализ роли принципа «Deus ex machina» применительно к трем подсистемам культуры (драматургии, праву, естествознанию) приводит к выводу о том, что использование этого принципа не является случайным эпизодом в европейской культуре. В разных культурных подсистемах этот принцип проявляет сходные гносеологические характеристики:

- он финализирует объяснительный нарратив;
- без него система доказательств лишается необходимого основания;
- он заполняет лакуны соответствующей теоретической концепции или художественного повествования;
- восполняет отсутствующие звенья объяснительного механизма;
- позволяет системно представить причинно-следственные связи анализируемой ситуации.

Дополнительным фактором, содействующим закреплению этого принципа в культуре, выступает господствующее мировоззрение. Именно поэтому наиболее активно рассматриваемый принцип используется при господстве теистического мировоззрения, его влияние ослабляется при переходе к деизму. Развитие современной науки исключает этот принцип из научного дискурса как философии права, так и естественных наук. Такое исключение, впрочем, не является абсолютным: в XXI в. некоторые отечественные исследователи все еще предлагают изучать в вузах эволюционную теорию и концепцию креационизма как «равнозначные научные теории».

---

⁶ Влияние «Математических начал натуральной философии» на историю человечества не изменилось бы и при отсутствии этой последней главы.

Библиография

1. Грабман М. Введение в «Сумму теологии» св. Фомы Аквинского. М.: Сигнум Веритатис, 2007. 280 с.
2. Декарт Р. Начала философии // Антология мировой философии: в 4 т. М.: Мысль, 1970. Т. 2. С. 232-271.
3. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 591 с.
4. Лейбниц Г.В. Монадология // Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1982. Т. 1. С. 413-429.
5. Лопец Э.Б. Кеплер. Движение планет. Танцы со звездами. М.: Де Агостини, 2015. 160 с.
6. Лукьянов И.Е., Овчаренко В.А. Антропология. М.: Инфра-М, 2014. 240 с.
7. Ляткер Я.А. Декарт. М.: Мысль, 1975. 198 с.
8. Монтескье Ш.Л. О духе законов // Антология мировой философии: в 4 т. М.: Мысль, 1970. Т. 2. С. 536-545.
9. Нерсесянц В.С. Философия права. М.: Норма, 2006. 848 с.
10. Ньютон И. Математические начала натуральной философии. М.: Наука, 1989. 688 с.
11. Скибицкий М.М. Бог и «верующие» ученые. М.: Политиздат, 1976. 110 с.
12. Словарик юного графомана, или Turkey City Lexicon. URL: https://mir-knig.com/read_490937-3

"Deus ex machina" as a methodological principle

Gennadii P. Otyutskii

Doctor of Philosophy, Professor,
Professor at the Faculty of humanities,
Russian State Social University,
129226, 4 Vilgelma Pika str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: otiuzkyi@mail.ru

Abstract

The article analyzes the role of the principle "Deus ex machina", which came from ancient dramaturgy, in relation to three subsystems of culture: dramaturgy, law, natural science. The methodology of the analysis is based on the analogy between a theatrical play and a scientific theoretical concept: both of them describe a specific situation, reveal a contradiction (conflict), and require a completed finale – conflict resolution. In the legal sphere, this principle served to substantiate the essence of natural law as a guideline for the legislator when developing norms of positive law. The author analyzes the application of the principle of "Deus ex machina" in the theoretical concepts developed by T. Aquinas, C.-L. Montesquieu, I. Kant to clarify the essence of natural law itself. The same principle ensured the consistency of natural science worldviews of Kepler, Descartes, Leibniz, Newton. Paradoxically, natural law received supernatural justification through the "Deus ex machina", and "Deus ex machina" acted as both the basis and the guarantor of the stability of in the natural science worldview. Thus, in different cultural subsystems, this principle exhibits similar epistemological characteristics, finalizing the explanatory narrative, forming a basis for an evidence system, filling in the gaps of the corresponding theoretical concept or literary narrative, filling in the missing links of the explanatory mechanism. The development of modern science excludes this principle from scientific discourse.

For citation

Otyutskii G.P. (2021) "Deus ex machina" kak metodologicheskii printsip ["Deus ex machina" as a methodological principle]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 10 (5A), pp. 143-150. DOI: 10.34670/AR.2021.16.74.016

Keywords

Deus ex machina, philosophy of law, natural law, natural science, natural science worldview.

References

1. Descartes R. (1644) *Principia philosophiae*. (Russ. ed.: Descartes R. (1970) Nachala filosofii. In: *Antologiya mirovoi filosofii: v 4 t.* [The anthology of world philosophy: in 4 vols.], Vol. 2. Moscow: Mysl' Publ., pp. 232-271.)
2. Grabmann M. (1912) *Thomas von Aquin: eine Einführung in seine Persönlichkeit und Gedankenwelt*. (Russ. ed.: Grabmann M. (2007) *Vvedenie v "Summu teologii" sv. Fomy Akvinskogo*. Moscow: Signum Veritatis Publ.)
3. Kant I. (1787) *Kritik der reinen Vernunft*. Hamburg. (Russ. ed.: Kant I. (1994) *Kritika chistogo razuma*. Moscow: Mysl' Publ.)
4. Leibniz G.W. (1714) *Monadologie*. (Russ. ed.: Leibniz G.W. (1982) *Monadologiya*. In: *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols.], Vol. 1. Moscow: Mysl' Publ., pp. 413-429.)
5. López E.B. (2012) *Kepler. El movimiento planetario. Bailando con las estrellas*. (Russ. ed.: López E.B. (2015) *Kepler. Dvizhenie planet. Tantsy so zvezdami*. Moscow: De Agostini Publ.)
6. Luk'yanov I.E., Ovcharenko V.A. (2014) *Antropologiya* [Anthropology]. Moscow: Infra-M Publ.
7. Lyatker Ya.A. (1975) *Dekart* [Descartes]. Moscow: Mysl' Publ.
8. Montesquieu C. (1749) *De l'esprit des loix*. (Russ. ed.: Montesquieu C. (1970) O dukhe zakonov. In: *Antologiya mirovoi filosofii: v 4 t.* [The anthology of world philosophy: in 4 vols.], Vol. 2. Moscow: Mysl' Publ., pp. 536-545.)
9. Nersesyants V.S. (2006) *Filosofiya prava* [The philosophy of law]. Moscow: Norma Publ.
10. Newton I. (1687) *Philosophiæ naturalis principia mathematica*. (Russ. ed.: Newton I. (1989) *Matematicheskie nachala natural'noi filosofii*. Moscow: Nauka Publ.)
11. Skibitskii M.M. (1976) *Bog i "veruyushchie" uchenye* [God and "believing" scientists]. Moscow: Politizdat Publ.
12. *Slovarik yunogo grafomana, ili Turkey City Lexicon* [The dictionary of a young graphomaniac, or Turkey City Lexicon]. Available at: https://mir-knig.com/read_490937-3 [Accessed 12/08/21].